

Антуан Франсуа Прево

**ИСТОРИЯ МАНОН ЛЕСКО
И КАВАЛЕРА ДЕ-ГРИЕ**

Антуан Франсуа Прево
**История Манон Леско
и кавалера де Грие**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Прево А.

История Манон Леско и кавалера де Грие / А. Прево —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«История Манон Леско и кавалера де Грие» - роман французского писателя XVIII века Антуана Франсуа Прево (Antoine-François Prevost d'Exiles; 1697-1763).***Этот роман — драматическая история любви юноши из благородной семьи и простой девушки, которую ее семья хочет отправить в монастырь. Много испытаний выпало на долю влюбленных: разорение, тюрьма, ссылка в Америку, происки завистников — но ничто не смогло убить их любовь.Аббат Прево — автор романов «История Маргариты Анжуйской», «История одной гречанки», «История Вильгельма Завоевателя», «Роберт Лед», «Киллеринский насяатель», «Философские странствия Монкаля».В своих произведениях Прево пытается понять природу человеческих отношений, проникнуть в глубину чувств. Его герои — благородные люди, способные на сильные чувства, умеющие прощать слабости тех, к кому привязаны.Вечные темы — любви и ревности, верности и предательства — интересны и современному читателю.Произведения Прево экранизированы.

© Прево А.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Антуан Франсуа Прево

История Манон Леско и кавалера де Грие

Часть первая

Я принужден попросить читателя вернуться к тому времени моей жизни, когда я в первый раз встретил кавалера де-Грие; то было почти за полгода до моего отъезда, в Испанию. Хотя я редко расставался с моим уединением, но заботливость о дочери порою заставляла меня предпринимать небольшие поездки, которые я сокращал по мере возможности.

Однажды я возвращался из Руана, где она просила меня похлопотать в Нормандском парламенте по делу о наследстве некоторых имений: я передал ей иски на них моего деда со стороны матери. Отправившись через Эвре, где я ночевал в первый день, я на следующее утро прибыл к обеду в Пасси, которое от него в пяти или шести лье расстояния. При въезде в это местечко, я был удивлен, увидев, что все жители в тревоге; они спешно выскакивали из домов, и толпой бежали к воротам плохой гостиницы, перед которой стояло два крытых фургона. Лошади еще не были отпряжены и, по-видимому, были истомлены от усталости и зноя, – знак, что оба фургона только что приехали.

Я остановился на минутку, чтоб узнать о причине суматохи; но я немногого добился от любопытной толпы, не обращавшей на меня никакого внимания и по-прежнему спешившей к гостинице и толкавшейся в большом смятении. Наконец, у ворот показался стрелок с перевязью и мушкетом на плече, и я кивнул, чтобы он подошел ко мне. Я спросил его о причине беспорядка.

– Пустяки, сударь, – отвечал он, – я с товарищами провожаю до Гавр-де-Граса с дюжину веселых девчонок, а оттуда мы на корабле отправим их в Америку. Между ними есть хорошенькие, и это-то, по-видимому, и возбуждает любопытство этих добрых людей.

Я, вероятно, после этого объяснения отправился бы дальше, если б меня не остановили восклицания вышедшей из гостиницы старухи; она ломала руки и кричала, что это варварство, что это возбуждает и ужас, и жалость.

– В чем дело? – спросил я ее.

– Ах, сударь! – отвечала она, – войдите и посмотрите: разве от этого не разрывается сердце?

Любопытство заставило меня слезть с лошади, которую я оставил на попечение моего конюха. Я с трудом протолкался сквозь толпу и действительно увидел нечто трогательное.

Между двенадцатью девушками, которые были скованы друг с другом за середину тела, была одна, лицо и вид которой столь мало соответствовали ее положению, что во всяком другом месте я принял бы ее за особу из высшего сословия. Ее печаль, ее грязное белье и платье столь мало ее безобразили, что вид ее внушил мне уважение и жалость. Тем не менее, насколько позволяла цепь, она старалась отвернуться, чтоб скрыть свое лицо от зрителей. Усилие, которое она употребляла для того, чтоб спрятаться, было столь естественно, что, казалось, проистекало от чувства скромности.

Шесть солдат, сопровождавших эту несчастную партию, сидели тут же в комнате, и я отвел их старшего в сторону, чтоб расспросить относительно участи этой красивой девушки. Он мог сообщить мне только самые общие сведения.

– Мы взяли ее из Госпиталя, – сказал он, – по приказу г. главного начальника полиции. Не похоже, чтобы она была заключена за добрые дела. Дорогой я несколько раз ее расспрашивал, но она упорно молчит. Но хотя я и не получал приказания обходиться с ней лучше, чем с другими, я все же оказываю ей некоторое снисхождение, потому что она, на мой взгляд,

несколько лучше своих товарок. Вот этот молодой человек, – добавил стрелок, – может лучше, чем я, объяснить вам, причину ее несчастий: он провожает ее от самого Парижа и почти ни на миг не перестает плакать. Должно быть, он ей брат или любовник.

Я повернулся к тому углу комнаты, где сидел молодой человек. Он, казалось, был погружен в глубокую задумчивость. Одет он был весьма просто; но человека родовитого и образованного узнаешь с первого взгляда. Я подошел к нему; он встал, и в его взглядах, во всей его фигуре и движениях я заметил так много утонченности и благородства, что естественно почувствовал благорасположение к нему.

– Не обеспокоил ли я вас? – сказал я, садясь подле него. – Не можете ли вы удовлетворить моему любопытству относительно этой красивой особы, которая, как мне кажется, не создана для того жалкого положения, в каком я ее вижу?

– Но, тем не менее, я могу сказать вам то, что известно этим негодяям, – сказал он, указывая на стрелков. – Именно, что я люблю ее с такой жестокой страстностью, что стал от того несчастнейшим в мире человеком. В Париже я сделал все возможное, чтоб добиться ее освобождения, но мне не помогли ни ходатайства, ни смелость, ни сила; я решился сопровождать ее, хотя бы на край света. Я сяду с ней на корабль, я поеду в Америку.

По крайнее бесчеловечие в том, – добавила, он, говоря о стрелках, – что эти подлые мошенники не позволяют мне подходить к ней. Я имел намерение напасть на них открыто в нескольких лье от Парижа. Я подговорил четырех человек, которые за значительную сумму обещали помочь мне. Когда пришлось драться, эти негодяи бросили меня одного и убежали с моими деньгами. Невозможность одолеть силой заставила меня сложить оружие. Я предложил сделкам позволить мне, по крайней мере, следовать за ними, за известное вознаграждение. Желание поживиться заставило их согласиться. Они требовали, чтоб я платил им всякий раз за позволение поговорить с моей любовницей. Скоро мой кошелек истощился, и теперь, когда у меня нет ни су, у них хватает жестокости грубо отталкивать меня, только я сделаю к ней шаг. Сейчас лишь, когда, невзирая на их угрозы, я осмелился подойти к ней, они имели наглость прицелиться в меня. Чтоб удовлетворить их жадность, чтоб быть в состоянии продолжать путь, я принужден продать здесь дрянную лошадь, на которой ехал до сих пор верхом.

Хотя он, по-видимому, рассказывал, все это довольно спокойно, слезы капали у него из глаз, когда он кончил. Это приключение показалось мне одним из самых, необычайных, и трогательных.

– Я не требую, – сказал я, – чтоб вы посвятили меня в тайну ваших обстоятельств; но если я могу быть вам чем-нибудь полезен, то охотно готов оказать вам, услугу.

– Ах! – отвечал он, – я и просвета надежды не вижу. Надо вполне покориться суровой участи. Я отправлюсь в Америку; там я, по крайней мере, буду на свободе, с той, кого люблю. Я написал, одному из друзей, и он, в Гавр-де-Грасе окажет мне некоторую помощь. Мне трудно только добраться туда и доставить этой бедняжке; какое-нибудь облегчение участи, добавил он, печально глядя на се, любовницу.

– Ну, – сказал я ему, – я могу вас вывести из затруднительного положения. Вот тут немного денег, и я прошу вас принять их от меня. Мне досадно, что я не могу иначе помочь вам.

Я дал ему четыре луидора так, чтобы солдаты не заметили, ибо я подумал, что, узнав, что у него есть такая сумма, они станут продавать свои услуги по более дорогой цене. Мне пришлось в голову также поторговаться с ними, чтоб добиться для молодого человека дозволения говорить беспрепятственно со своей любовницей до Гавра. Я кивнул старшему, чтоб он подошел, и сделал ему предложение. Несмотря на свое бесстыдство, он, по-видимому, смутился.

Не то, сударь, чтоб мы вовсе запрещали ему говорить с этой девушкой, – сказал он с замешательством, – но он хочет быть подле нее непрерывно; ну, это нам беспокоит, и справедливость требует, чтоб он платил за беспокойство.

Что же вам требуется, чтоб не чувствовать беспокойства? – сказал я ему.

Он имел дерзость запросить с меня два луидора. Я тотчас же заплатил.

Но глядите, чтоб без мошенничества, – сказал я, – я оставлю свой адрес этому молодому человеку, чтоб он мог обо всем уведомить меня, и будьте покойны, я найду возможность добиться вашего наказания.

Все стоило мне шесть луидоров.

Судя по готовности и живому чувству, с какими молодой человек благодарил меня, я окончательно убедился, что он не простого рода и заслуживает моей щедрости. На прощанье, я сказал, несколько слов его любовнице. Она отвечала мне с такой тихой и прелестной скромностью, что, уходя, я невольно стал раздумывать о непостижимом характере женщин.

Возвратившись в мое уединенное жилище, я вскоре ничего не услышал о дальнейшем ходе этого приключения. Прошло два года, и я вовсе забыл о нем, пока случай не доставил мне возможности узнать досконально все его обстоятельства.

Я прибыл из Лондона в Калэ с маркизом N., моим учеником. Мы остановились, как помнится, в Золотом льве, где некоторые причины заставили нас провести целый день и следующую ночь. Мы гуляли после обеда по улицам, и мне показалось, будто я вижу того самого молодого человека, которого встретил в Пасси. Он был весьма дурно одет и гораздо бледнее, чем когда, я встретился с ним в первый, раз. Он только что приехал в город и нес в руках старый чемодан. Но он был очень красив, а потому его легко было признать; и я тотчас, узнал его.

Нам надо подойти к этому молодому человеку, – сказал я маркизу.

Его радость, когда он, в свою очередь, узнал меня, была свыше всякого описания.

– Ах, сударь! – вскричал он, целуя мне руку, – итак, я еще раз могу выразить вам мою вечную благодарность.

Я спросил его, откуда он приехал. Он отвечал, что приехал по морю из Гавр-де-Граса, куда незадолго перед тем прибыл из Америки.

Кажется, ваши денежные дела не в порядке, – сказал я ему, – идите в гостиницу Золотого льва, где я стою; я сейчас приду туда.

Действительно, я воротился туда, полный нетерпения узнать подробности его несчастья и об обстоятельствах его путешествия в Америку. Я обласкал его и распорядился, чтоб он ни в чем не нуждался. Он не ждал, пока я стану просить его поскорей рассказать мне историю его жизни.

Вы так благородно отнеслись ко мне, – сказал он мне, – что я стал бы упрекать себя в низкой неблагодарности, если б что-нибудь скрыл от вас. Я вам расскажу не только о моих несчастьях и страданиях, но также о моем беспутстве и о самых позорных моих слабостях. Я уверен, что, осуждая меня, вы невольно меня пожалеете.

Здесь я должен предупредить читателя, что записал историю его жизни почти тотчас же, как услышал, и поэтому могу заверить, что ничто не может быть точнее и вернее этого рассказа. Все в нем верно до передачи размышлений и чувств, которые молодой искатель приключений выражал с величайшей в мире готовностью. Вот его рассказ, к которому я до конца не прибавлю от себя ни слова.

Мне было семнадцать лет, и я окончил курс философии в Амьене, куда послали меня родители, принадлежащие к одному из лучших родов, в П. Я вел, себя так, благоразумно и добропорядочно, что учителя ставили меня в пример всей коллегии. Не то, чтоб я употреблял чрезмерные усилия, дабы заслужить такую похвалу, но у меня от природы был такой тихий и спокойный нрав; я учился прилежно вследствие природной склонности, и мне ставили в добродетель некоторые признаки природного отвращения к пороку. Мое происхождение, успехи в науках и довольно приятная внешность были причиной, что меня знали и уважали все, честные люди в городе.

Я выдержал публичное испытание ее таким, общим одобрением, что присутствовавший при том господин епископ предложил мне вступить в духовное звание, где по его словам, я, несомненно, мог бы достигнуть более высоких отличий, чем в Мальтийском ордене, к которому меня предназначали родители. Благодаря им, я уже носил крест и назывался кавалером де-Грие. Приближались вакации, и я собирался вернуться к отцу, который обещал вскоре отправить меня в Академию.

При отъезде из Амьена, меня печалила единственно разлука с другом, к которому я всегда чувствовал нежную привязанность. Он был несколькими годами старше меня. Мы воспитывались вместе; но у его родителей было более скромное состояние, и он принужден был вступить в духовное звание и оставался еще в Амьене, ради приобретения необходимых для того познаний. Он обладал, тысячу добрых качеств. В течение моей истории вы познакомитесь с лучшими из них и особенно с его рвением и великодушием в дружбе, превосходящими самые славные примеры древности. Последуй я тогда его советам, я всегда был бы и благодарен и счастлив. Если б я, по меньшей мере, воспользовался его упреками, когда очутился в пропасти, куда увлекли меня страсти, то я спас бы кое-что от крушения моего благосостояния и доброго имени. Но ему не пришлось вкусить иного плода от своих забот, кроме огорчения при виде их бесполезности, а порою и жестокой оплаты со стороны неблагодарного, который оскорблялся ими и видел в них одну доуку.

Я назначил время моего отъезда из Амьена. Ах, зачем я не назначил его днем раньше; я приехал бы к отцу вполне невинным. Накануне моего отъезда из города, я прогуливался с моим другом, которого звали Тибергием; мы увидели, что из Арраса приехала почтовая карета и пошли вслед за нею до гостиницы, где всегда останавливаются эти кареты. Мы сделали это чисто из любопытства. Из дилижанса вышло несколько женщин, которые тотчас же разошлись. Осталась только одна, очень молоденькая; она стояла среди двора, пока пожилой человек, бывший, по-видимому, ее провожатым, опешил выгрузить корзины. Она показалась мне такой прелестною, что я, никогда не думавший о различии полов, никогда сколько-нибудь внимательно не засматривавшийся на женщин, я, наконец, чьему благоразумию и скромности удивлялись все, – я сразу почувствовал, что влюбился в нее до безумия. Одним из моих недостатков была чрезмерная робость и конфузливость; но в ту минуту меня нимало не остановила эта слабость, и я прямо подошел к владычице, моего сердца.

Хотя она была еще моложе меня, но мои любезности, по-видимому, ее не смутили. Я спросил ее, зачем она приехала в Амьен, и есть ли у нее здесь знакомые. Она простодушно отвечала, что родители прислали ее сюда для поступления в монастырь. Любовь всего мгновение как поселилась в моем сердце, а уж настолько просветила меня, что я гонял, что такое обстоятельство нанесет смертельный удар моим желаниям. Я заговорил с нею так, что она поняла мои чувства, ибо была гораздо опытнее меня; ее отправили в монастырь помимо ее воли, без сомнения, ради того, чтоб воспрепятствовать ее уже обнаружившейся склонности к наслаждениям, ставшей впоследствии причиною и ее, и моих несчастий. Я стал оспаривать жестокое решение ее родителей при помощи всех доводов, какие только могли мне подсказать зарождающаяся любовь и мое школьное красноречие. Она не выказала ни суровости, ни презрения. После минутного молчания она сказала мне, что прекрасно предвидит свое несчастье; но что такова, по-видимому, воля неба, потому что оно не дало ей средств избежать этого. Нежность ее взгляда, прелестный вид печали, с которой она произносила эти слова, или, вернее, воля судьбы, влекшей меня к гибели, не позволили мне колебаться и минуты относительно ответа. Я стал уверять ее, что если она доверится моей чести и той бесконечной нежности, которую она уже внушила мне, то я посвящу всю мою жизнь на освобождение ее от родительской тирании и на то, чтоб сделать ее счастливой. Размышляя об этом, я дивился тысячу раз, откуда взялось, что я сумел объяснить с такой смелостью и легкостью: но любовь не считали бы божеством, если б она часто не творила чудес. Я сказал еще многое в том же решительном тоне.

Моя прелестная незнакомка прекрасно знала, что в мои годы не обманывают; она, приналась мне, что если у меня есть какие-либо надежды освободить ее, то она сочтет себя обязанной пожертвовать мне тем, что дороже жизни. Я повторил ей, что готов предпринять все, но, не обладая достаточной опытностью для того, чтоб придумать сразу средство, как услужить ей, я не пошел дальше этого общего уверения, которое не могло оказать особой помощи ни ей, ни мне. Подошел ее старый аргус, и все мои надежды рушились бы, если б ее догадливость не пришла на помощь бесплодным усилиям моего ума. Я был удивлен, что когда подошел, ее проводник, то она стала меня знать своим кузенком, и без признаков какого-либо смущения сказала мне, что в виду того, что ей посчастливилось встретиться со мной в Амьне, она отлагает вступление в монастырь до завтра, желая доставить себе; удовольствие отужинать со мною. Я отлично подхватил эту хитрость и предложил ей остановиться в гостинице, содержатель которой перед тем, как обзавелся своим хозяйством в Амьене, долго был кучером у моего отца и был вполне мне предан.

Я проводил ее туда лично; старый проводник, по-видимому, поварчивал, а мой друг Тибергий, ничего не понимавший в этой сцене, последовал за мною, не сказав ни слова. Он не слышал нашего говора. Все время, пока я объяснялся в любви с моей возлюбленной, он ходил по двору. Я побаивался его благоразумия, а потому отделался от него, просив его исполнить какое-то поручение. Таким образом, в гостинице я имел удовольствие один угощать владычицу моего сердца.

Вскоре я узнал, что я не такой уже ребенок, как... думал. Сердце мое открылось для тысячи восхитительных ощущений, о которых я не имел и понятия. Сладостная теплота распространилась по всем моим жилам. Я был в каком-то восторге, который на некоторое время лишил меня употребления голоса и выражался только при посредстве глаз.

M-le Манон Леско, – так звали ее, – казалось, была весьма довольна действием своих чар. Мне казалось, что она взволнована не меньше моего. Она созналась, что находит меня прелестным и будет в восторге, если мне будет, обязана своей свободой. Она пожелала узнать кто я такой; и это знание увеличило ее благосклонность: будучи низкого происхождения, она была польщена тем, что одержала победу над таким, как я, возлюбленным. Мы говорили о том, как бы нам принадлежать друг другу.

После долгих рассуждений мы не нашли иного средства, кроме бегства. Требовалось обмануть бдительность проводника, с которым надо было считаться, хотя он и был простым слугой. Мы решили, что ночью я найму почтовую коляску и явлюсь в гостиницу ранним утром, пока он еще будет спать; что мы скроемся потихоньку и отправимся прямо в Париж, где и обвенчаемся по приезде. У меня было около пятидесяти экю, – плод моих небольших сбережений; у нее было почти вдвое больше. Как неопытные дети, мы воображали, что этой суммы хватит навсегда, и мы с такой же уверенностью рассчитывали на успех прочих наших предположений.

Полужинав с таким удовольствием, какого я никогда не испытывал, я отправился, чтоб выполнить наш план. Мне тем легче все было устроить что, располагая завтра воротиться к отцу, я уже уложился. Мне не представило никакого труда приказать перенести мой чемодан и заказать почтовую коляску к пяти часам утра, – время, когда отворяли городские ворота; но я встретил препятствие, на которое не рассчитывал и которое чуть было не разрушило вполне моего намерения.

Хотя Тибергий был всего тремя годами старше меня, он был юноша зрелый по уму и вполне порядочного поведения. Он любил меня с чрезвычайной нежностью. Простой вид такой хорошенькой девушки, как m-le Манон, услужливость, с какой я провожал ее, и старательность, с какой я удалил его, желая от него отделаться, – породили в нем некоторое подозрение относительно моей любви. Он не посмел воротиться в гостиницу, где меня оставил, из страха оскорбить меня своим возвращением: но он поджидал меня на моей квартире, где я

его и застал, хотя уже было десять часов вечера. Его присутствие огорчило меня. Он легко заметил, что оно меня стесняет.

Я уверен, – откровенно сказал он, – что вы задумали нечто, что желаете скрыть от меня. Я вижу это по вашему лицу.

Я довольно резко отвечал ему, что вовсе не обязан давать ему отчет в своих намерениях.

Нет, – отвечал он, – но вы всегда обходились со мной, как со своим другом, а это предполагает известное доверие и откровенность.

Он так сильно и так долго настаивал, чтоб я сообщил ему свою тайну, что я, никогда ничего не скрывавший он него, вполне сознался ему в своей страсти. Он принял мое признание с таким видимым неудовольствием, что я содрогнулся. Я особенно раскаивался в неосторожности, с которой открыл ему о намерении бежать. Он сказал мне, что он вполне мой друг, а потому воспротивится этому насколько может; что он сначала представит мне все, способное, по его мнению, заставить меня уклониться от своего намерения; но что если я и затем, не откажусь от этого несчастного решения, то он известит лиц, которые, наверное, сумеют задержать меня. Он сделал мне на этот счет серьезное увещание, длившееся более четверти часа, и заключил его угрозой донести на меня, если я не дам ему слова вести себя благоразумнее и умнее.

Я был в отчаянии, что выдал себя так некстати. Но любовь в течение двух-трех часов чрезвычайно расширила мою сообразительность, и, вспомнив, что я не сказал ему о том, что завтра же хочу привести в исполнение мое намерение, я вздумал обмануть его при помощи двусмысленности.

– Тибергий, – сказал я, – я до сих пор думал, что вы мой друг, и желал испытать вас этим признанием. Правда, я влюблен; я вас не обманул; но что касается моего бегства, то на такое дело нельзя решиться наудачу. Зайдите завтра за мною в девять часов; если будет можно, я покажу вам мою возлюбленную, и вы рассудите, достойна ли она, чтоб ради нее отважиться на такой поступок.

Он ушел, сделав тысячу заверений в своей дружбе. Ночь я употребил на то, чтоб привести в порядок свои дела, и на рассвете отправился в гостиницу к m-ше Леско; она уже ждала меня. Она сидела у окна, выходящего на улицу; таким образом, увидев меня, она сама открыла мне дверь. Мы вышли без шума. У нее не было другой клади, кроме белья, которое я понес сам. Коляска уже была готова; мы тотчас же выехали из города.

Впоследствии я расскажу, как поступил Тибергий, заметив, что я обманул его. Его привязанность ко мне от того не охладела. Вы увидите, до какой степени она доходила, и что мне приходится проливать слезы, вспоминая, какова была его вседневная награда.

Мы до того торопились, что к ночи приехали в Сен-Дени. Я скакал верхом подле коляски, и мы могли разговаривать только, когда переменяли лошадей; но когда мы увидели, что до Парижа так близко, т. е. что мы почти в безопасности, то решились отдохнуть, потому что ничего не ели с самого выезда из Амьена. Какую страсть я ни чувствовал к Манон, она сумела убедить меня, что ее страсть ко мне нисколько ни меньше. Мы были так мало сдержаны в ласках, что у нас не хватало терпения дожидаться, пока мы останемся одни. Почтари и содержатели гостиниц с изумлением поглядывали на нас, и я заметил, что они удивлялись, видя, что двое детей наших лет любят друг друга с такою горячностью.

Намерение наше обвенчаться было забыто в Сен-Дени; мы преступили законы церкви и, не подумав о том, стали супругами. Я, будучи по природе; нежен и постоянен, наверное был бы счастлив всю жизнь, если б Манон осталась мне верна. Чем больше я ее узнавал, тем более увлекательных качеств открывал я в ней. Ее ум, ее сердце, ее нежность и красота образовали такие крепкие и прелестные оковы, что я полагал все мое счастье в том, чтоб не освободиться от них. Ужасная перемена! то, что довело меня до отчаяния, могло составить мое блаженство!

Я стал несчастнейшим из людей именно благодаря тому самому постоянству, от чего мог ждать самой сладкой доли и самой совершенной награды за любовь.

В Париже мы наняли меблированное помещение, именно на улице В., и на мое несчастье подле дома г. де-Б., славного откупщика доходов. Прошло три недели, в течение коих я был так полон страстью, что мало думал о своей семье и о горе, которое должен был испытывать мой отец вследствие моего исчезновения. Однако, благодаря тому, что я нимало не предавался разгулу, и Манон также вела себя с большой сдержанностью, самое спокойствие нашей жизни привело к тому, что я мало-помалу вспомнил о своих обязанностях.

Я решился примириться, если возможно, с отцом. Моя возлюбленная была так мила, и я нимало не сомневался в том, что она ему понравится, если только я отыщу средство ознакомить его с ее благоразумием и достоинством; словом, я льстил себя возможностью получить от него позволение жениться на ней, потеряв надежду устроить это без его согласия. Я сообщил об этом Манон и дал ей понять, что сверх мотивов любви и долга, тут имела известное значение и необходимость, ибо наши капиталы чрезмерно уменьшились, и я начал отказываться от мысли, что они неистошмы.

Манон холодно встретила мое предложение. Но затруднения, которые она представляла мне, проистекали именно из ее нежности и страха лишиться меня, в случае, если отец, узнав о месте нашего убежища, не войдет в наши виды, – а потому я не возымел ни малейшего подозрения относительно того жестокого удара, который мне готовился. На возражение о нужде, она отвечала, что у нас еще осталось достаточно, чтоб прожить несколько недель, и что затем она найдет средства, благодаря любви к ней некоторых родственников, к которым она напишет в провинцию. Она усладила свой отказ столь нежными и страстными ласками, что я, живя только ею и нимало не сомневаясь в ее сердце, одобрил все ее ответы и решения.

Я предоставил в ее распоряжение кошелек и заботу расплачиваться за наши обиходные расходы. Пекаре затем я заметил, что стол у нас стал лучше и что она приобрела для себя довольно ценные наряды. Зная, что у нас осталось не свыше двадцати или пятнадцати пистолей, я выразил ей удивление относительно явного увеличения нашего достатка. Она, смеясь, просила меня не беспокоиться.

– Разве я не обещала вам, – сказала она, – что найду средства?

Я любил ее слишком простодушно, и растревожиться мне было нелегко.

Однажды, выйдя из дома после обеда и предупредив ее, что возвращусь позже, чем обыкновенно, я был удивлен, когда при возвращении меня заставили подождать у двери две или три минуты. Нам прислуживала только девочка почти одних с нами лет. Когда она отворила дверь, я спросил ее, отчего она так замешкалась. Она со смущенным лицом отвечала, что не слышала, как я стучался. Я постучал еще раз и сказал, ей:

– Но если вы не слышали, как я стучался, то почему же вы пошли отворять дверь.

Этот вопрос до того смутил ее, что, не имея достаточного присутствия духа, чтоб отвечать на него, она расплакалась, уверяя, что она не виновата и что барыня приказала ей не отворять дверей до тех пор, пока г. де-Б. не уйдут по другой лестнице, с которой вход в маленькую комнату. Я был так смущен, что был не в силах войти в квартиру. Я решился уйти под предлогом, что у меня есть дело, и приказал девочке сказать барыне, что вернусь сейчас, но не говорить ей о том, что она сказала мне насчет г. де-Б.

Мое огорчение было так велико, что, спускаясь по лестнице, я проливал слезы, не зная еще, каким чувством они вызваны. Я вошел в первую кофейню и, сев у стола, облокотился головой на обе руки, стараясь разъяснить себе, что происходило у меня в сердце. Я не смел повторить того, что сейчас только слышал; мне хотелось смотреть на это, как на обман чувств, и два или три раза я был уже готов воротиться домой, не показывая вида, что обратил на это внимание. Мне казалось до того невозможным, чтоб Манон изменила мне, что я боялся оскорбить ее подозрением. Несомненно, я обожал ее; но я представил ей не более доказательств

любви, чем она мне: почему же мне обвинять ее в том, что она менее искренна и не столь постоянна, как я? Что могло ее заставить обмануть меня? Не прошло и трех часов, как она осыпала меня самыми нежными ласками и с восторгом принимала мои; я знал свое сердце не лучше, чем и ее!

Нет, нет! – повторял я, – невозможно, чтоб Манон изменила мне! она знает, что я живу только для нее; она прекрасно знает, что я ее обожаю! Не может же это возбудить ее ненависти.

Впрочем, посещение и уход украдкой г. де-Б. приводили меня в смущение. Я вспомнил также небольшие покупки Манон, которые, казалось мне, превосходили наши теперешние средства. Все это как будто пахивало щедростью нового любовника. А высказанная ею уверенность в неизвестных мне источниках доходов! Мне трудно было объяснить эти загадки в том благоприятном смысле, какого желало мое сердце.

С другой стороны, с тех пор, как мы жили в Париже, я ее почти не выпускал из виду. Занятия, прогулки, развлечения, – всюду мы были вместе. Боже мой! даже разлука на минуту сильно бы опечалила нас. Нам беспрерывно требовалось повторять, что мы любим друг друга; без этого мы умерли бы от беспокойства. Итак, я не мог вообразить себе почти ни мгновения, когда бы Манн была нанята не мной, а кем-нибудь другим. Наконец мне показалось, что я нашел разгадку этой тайны.

У г. де-Б., – сказал я самому себе, – крупные дела и большие сношения; родственники Манон могли отдать ему деньги на хранение. Она, быть может, уже получала их от него; он принес ей еще денег. Она, без сомнения, хотела позабавиться и скрыла это от меня, чтоб потом приятно поразить меня. Быть может, она и сказала бы мне об этом, войди я, как и всегда, вместо того, чтоб идти сюда плакаться на судьбу. Она, по крайней мере, не станет скрытничать, когда я сам заговорю с нею о том.

Я до того укрепил себя в этом мнении, что оно было в состоянии значительно уменьшить мою печаль. Я тотчас же пошел домой. Я обнял Манон с всегдашней нежностью. Она приняла меня очень хорошо. Мне хотелось сначала открыть мои соображения, которые более чем когда, казались мне верными; но я удержался, в надежде, что, может быть, она предупредит меня, рассказав все как было.

Нам подали ужинать. Я с веселым видом сел за стол; но при свете сальной свечи, которая стояла между нами, мне показалось, будто я вижу печаль в лице и глазах моей милой любовницы. Эта мысль обеспокоила меня. Я заметил, что взгляды ее останавливаются на мне иначе, чем всегда. Я не мог разобрать, была ли то любовь, или сожаление, хотя мне казалось, что то было нежное и томное чувство. Я смотрел на нее с тем же вниманием, и, быть может, ей было тоже трудно судить по моим взглядам о состоянии моего сердца. Нам не шли на ум ни разговор, ни еда. Наконец я увидел, как слезы полились из ее прекрасных глаз. Коварные слезы.

– О, Боже! – вскричал я, – вы плачете, милая моя Манон, вам горько до слез, и вы ни слова не скажете мне о своих страданиях.

Она отвечала только вздохами, которые усиливали мое беспокойство. Я встал, весь дрожа; со всем пылом любви, я заклинал ее сказать мне, о чем она плачет; осушая ее слезы, я сам проливал их; я был скорее мертвецом, чем живым человеком. И варвар был бы тронут проявлениями моей печали и страха.

В то время, когда я весь был занят ею, я услышал, что несколько человек поднимаются по лестнице. Потихоньку постучали в дверь. Манон поцеловала меня и, вырвавшись, из моих объятий, быстро вошла в свою комнату и заперла за собой дверь. Я вообразил себе, что одежда у нее была несколько в беспорядке и она желает скрыться от глаз посторонних, которые стучались. Я сам пошел отворять им.

Едва я отворил, как меня схватили трое людей, в которых я узнал лакеев моего отца. Они не позволили себе никакого насилия; но пока двое держали меня за руки, третий обыскал мои карманы и вынул небольшой ножик, единственное оружие, которое было у меня. Они

попросили извинения, что принуждены были непочтительно обойтись со мною; понятно, они объяснили, что действуют по приказанию моего отца, и добавил, что старший брат ждет меня на улице в карете. Я был так взволнован, что позволил свести себя вниз, без, сопротивления и не говоря ни слова. Брат действительно ждал меня. Меня посадили в карету подле него; кучеру уже было отдало приказание, и он быстро повез нас в Сен-Дега. Брага нежно обнял меня, но не сказал ни слова; таким образом у меня оказался необходимый досуг и я мог мечтать о моем несчастье.

Сначала для меня все было непонятно, и я не видел возможности сделать какое-либо предположение. Меня жестоко предали; но кто же? Раньше всех я подумал на Тибергия.

– Изменник! – говорил я, – если мои подозрения оправдаются, то тебе больше не жить.

Однако я подумал, что ему неизвестно мое местожительство, а, стало быть, от него нельзя было и узнать о нем. Мое сердце не смело прегрешить, возводя обвинение на Манон. Та необычайная печаль, что, как я видел, подавляла ее, ее слезы, нежный поцелуй, которым она, уходя, подарила меня, – казались мне загадкой; но я сознавал, что готов объяснить все это предчувствием общего нашего несчастья; и в то время, как я приходил в отчаяние от разлучившей нас случайности, я был настолько доверчив, что воображал, будто она еще больше моего достойна жалости.

Результатом моих рассуждений было то, что я убедил себя, что кто-нибудь из знакомых увидел меня в Париже на улице и известил о том, моего отца. Эта мысль меня утешила. Я был уверен, что отделаюсь от всего упреками или дурным приемом, которые мне придется вытерпеть от родительской власти. Я решил перенести их терпеливо и обещать все, чего бы от меня ни потребовали, дабы облегчить себе возможность как можно скорее воротиться в Париж и возвратить жизнь и радость милой моей Манон.

Мы скоро доехали до Сен-Дена. Брат, удивленный моим молчанием, вообразим, что оно причинено страхом; она стал утешать меня, уверяя, что мне нечего бояться строгости отца, если я только расположен возвратиться на путь долга и заслужить любовь, которую питает ко мне отец, Мы починали в Осп-Дени, при чем брат, из, предосторожности приказал трем лакеям лечь в моей комнате.

Мне было особенно горько то, что мы ночевали в той самой гостинице, где я останавливался с Манон, но дороге из Амьена в Париж. Хозяин и прислуга тотчас же узнали меня и в то же время догадались, в чем дело. Я слышал, как хозяин говорил:

– Э! да это тот самый красивый господин, что проезжал шесть недель тому с хорошенькой барышней, которую он так сильно любил. Какая она была красавица! Бедные детки, как они ласкались друг к другу! Ей-Богу, жаль, что их разлучили.

Я притворился, что ничего не слышу, и старался по возможности не поводить на глаза.

У брата в Сен-Дени была двухместная коляска, в которой мы отправились ранним утром, и на следующий день вечером пришли домой. Он повидался раньше меня с отцом, чтоб сказать несколько слов в мою пользу, объяснив ему, с какой кротостью я позволил увезти себя; таким образом я был принят не так сурово, как ожидал. Он удовольствовался тем, что сделал мне несколько общих упреков за то, что я отлучился без его позволения. Что касается моей любовницы, то он заметил, что, связываясь с неизвестной особой, я вполне заслужил то, что со мной случилось; что он был лучшего мнения о моей предусмотрительности; но что он надеется, что я поумнею после этого приключеньца. Я понял эту речь в том смысле, который согласовался с моими мыслями. Я поблагодарил отца за доброту, с которой он прощает меня, и обещал ему вести себя более послушно и порядочно. В глубине сердца я торжествовал; ибо, судя по тому, как устраивалось дело, я не сомневался, что буду в состоянии тихонько уйти из дому в ту же ночь.

Сели ужинать; смеялись над моей амьенской победой и моим бегством с такой верной любовницей. Я добродушно переносил насмешки. Я даже был рад, что мне дозволено было

говорить о том, что постоянно занимало мои мысли. Но несколько слов, сказанных вскользь отцом, заставили меня слушать самым внимательным образом. Он говорил о коварстве г. де-Б. и о корыстной услуге, которую он оказал ему. Я был изумлен, услышав, что он произносит это имя, и покорно просил объяснить мне все. Он обратился к моему брату с вопросом, разве он не рассказал мне всей истории. Брат отвечал, что всю дорогу я был так спокоен, что он не считал нужным прибегать к этому средству чтоб исцелить меня от безрассудства. Я заметил, что отец колебался, следует ли ему окончить разъяснение, или нет. Я так настоятельно умолял его, что он удовлетворил моему желанию, или, вернее, жестоко поразил меня самым ужасающим рассказом.

Он спросил меня сперва, был ли я настолько прост, что верил, будто любим моей любовницей. Я спело отвечал, что был в том уверен, и что ничто не могло внушить мне ни малейшего повода к недоверию.

Ха, ха, ха! – вскричал он, хохоча со всей мочи, – вот это превосходно. Ты, однако, сильно простоват, и мне нравится, что ты питаешь такие чувства. Очень жаль, бедный мой кавалер, что я тебя зачислил в Мальтийский орден: у тебя такое расположение сделаться терпеливым и довольным, мужем!

Он прибавил еще множество насмешек в том же роде насчет того, что он звал моей глупостью и доверчивостью. Наконец, видя, что я все молчу, он, добавил, что, судя по расчету времени со дня моего отъезда из Амьена, Манон любила меня около двенадцати дней.

Ибо, – добавил он, – я знаю, что ты уехал из Амьена 28-го прошлого месяца, а нынче у нас 29-е текущего; уже одиннадцать дней, как г. де-Б. написал, мне; да я кладу еще восемь на то, чтоб он успел свести полное знакомство с твоей любовницей; итак, вычти одиннадцать и восемь из тридцати одного дня, которые прошли от 20-го одного месяца до 29-го следующего, и останется двенадцать или немного больше, или меньше.

Следом он вновь захохотал. У меня сильно щемило сердце при этом рассказе и я опаслся, что не выдержу до конца этой печальной комедии.

– Знай же, – заговорил вновь отец, – потому что это тебе неизвестно, что г. де-Б. пленил сердце твоей принцессы, ибо он, конечно, смеется надо мной, думая убедить меня, будто он отнял ее у тебя из бескорыстного желания оказать мне услугу. Было бы слишком ждать таких благородных чувств от такого, как он, человека, который, притом, и незнаком мне. Он выведал от нее, что ты мой сын, и чтоб избавить себя от твоей доуки, написал мне о твоём местожительстве и о твоей беспорядочной жизни, давая мне понять, что только силою можно овладеть тобой. Он предлагал, мне облегчить возможность схватить тебя за ворот; по его же указанию и по указанию твоей любовницы, твой брат улучил минуту, когда тебя можно было захватить врасплох. Поздравь же теперь себя с продолжительностью твоей победы. Ты умеешь, кавалер, побеждать довольно скоро, но не умеешь сберечь плодов победы.

Я дольше был не в силах выносить разговор, где каждое слово терзало мое сердце. Я поднялся из-за стола и не успел сделать четырех шагов, чтоб, выйти из залы, как упал на пол без чувств и сознания. Мне возвратили их, благодаря быстрой помощи. Я открыл глаза и залился слезами; я открыл рот и разразился самыми печальными и трогательными сетованиями. Отец меня всегда любил и стал утешать со всей нежностью. Я бросился к его ногам, ломая руки; я заклинал его дозволить мне возвратиться в Париж, чтоб заколоть Б.

– Нет, – говорил я, – он не пленил сердца Манон; он сделал над ним насилие, он соблазнил ее колдовством или ядом; быть может, он по-скотски изнасиловал ее. Манон меня любит, разве я не знаю? Он с кинжалом в руках пригрозил ей и тем принудил ее меня покинуть. На что бы он не решился, чтоб отнять у меня такую прелестную любовницу? О, боги, боги! разве возможно, чтоб Манон изменила мне и перестала любить меня.

Я все толковал о скором возвращении в Париж, и ради этого ежеминутно вскакивал, и мой отец увидел, что в том возбуждении, в каком я находился, ничто не в силах удержать меня.

Он свел меня в одну из комнат наверху и оставил со мной двух слуг, приказав им не упускать меня из виду. Я не владел собою. Я отдала бы тысячу жизней, чтоб, только на четверть часа воротиться в Париж. Я понял, что, после такого откровенного сознания, мне нелегко дозволит выйти из комнаты. Я измерил глазами высоту окон. Не видя ни малейшей возможности ускользнуть этими, путем, я кротко обратился к слугам. Я тысячью клятв заверяла их, что со временем обогачу их, если только они согласятся способствовать моему побегу. Я уговаривал, я ласкал их, я угрожал им; но эта попытка была также бесполезна. Тогда я потерял всякую надежду. Я решил умереть и бросился на постель с намерением не вставать с нее, пока не умру. Всю ночь и следующий день я провел в таком положении. На следующий день я отказался от пищи.

Отец навестил меня после обеда. Он был так добр, что нежными утешениями успокаивал мои страдания. Он так непререкаемо приказал мне поесть, что, из уважения к его приказу, я не ослушался. В течение нескольких дней я ел только в его присутствии и из послушания к нему. Он продолжал высказывать доводы, которые могли возвратить меня к здравому смыслу и внушить мне презрение к неверной Манон. Несомненно, я более не уважал ее; как мог я уважать самое ветреное, самое коварное из всех созданий? Но ее образ, те прелестные черты, что я носил в глубине моего сердца, не исчезали. Я хорошо сознавал свое состояние.

– Я могу умереть, – рассуждал я, – я даже должен умереть после такого стыда и страдания, но я перенесу тысячу смертей и все-таки не смогу забыть неблагодарную Манон.

Отец, дивился, видя, что я постоянно грущу так сильно. Он знал, что у меня есть правила чести, и не мог сомневаться, что ее измена заставила меня презирать ее, а потому вообразил себе, что мое постоянство не столько в зависимости от, этой именно страсти, сколько от склонности к женщинам вообще. Он так укрепился в этой мысли, что, не совещаясь ни с кем, кроме своей нежной привязанности ко мне, высказался однажды откровенно.

Кавалер, – сказал он мне, – у меня до сих пор было намерение, чтоб ты носил Мальтийский крест, но я вижу, что твои склонности направлены совсем в другую сторону. Ты любишь хорошеньких; я готов сыскать такую, которая тебе понравится. Объясни мне прямо, что ты об этом думаешь.

Я ему отвечал, что для меня впредь не будет существовать различия между женщинами, и что после случившегося со мною несчастья, я буду презирать их всех равно.

Я найду тебе такую, – улыбаясь, заговорил отец, – что будет походить на Манон, но будет вернее ее.

Ах, если вы сколько-нибудь желаете мне добра, – отвечал я ему, – то возвратите мне ее. Поверьте, дорогой батюшка, что она не изменяла мне; она неспособная на такую черную и жестокую низость. Коварный Б. обманывает всех, – вас, ее и меня. Если б вы знали, как она нежна и искренна; если б вы ее знали, вы полюбили бы ее.

Вы ребенок, – возразил мой отец. – Как можете вы быть до такой степени слепы после того, что я рассказал о ней? Она сама предала вас вашему брату. Вы должны забыть самое ее имя и воспользоваться, если вы благоразумны той снисходительностью, которую я вам оказываю.

Я весьма ясно сознавал, что он прав. Я заступился за неверную вследствие невольного побуждения.

Ах, – заговорил я после минутного молчания, – вполне правда, что я несчастная жертва самого гнусного коварства. Да, – продолжал я, – плача с досады, – я теперь вижу, что я еще ребенок. Им не трудно было обмануть мою доверчивость. Но я знаю, чем отомстить им.

Отец пожелал узнать, что же я намереваюсь сделать.

– Я отправлюсь в Париж, – сказал я, – я подожду дом г. де-В. и сожгу его живого вместе с коварной Манон.

Отец рассмеялся над этой вспышкой, и она была причиной, что меня стали строже держать в заключении.

Я провел в нем целые полгода, причем в первый месяц мое расположение почти не изменялось. Все мои чувства были поочередной сменой ненависти и любви, надежды и отчаяния, смотря по тому, в каком виде представлялась мне Манон. То я видел в ней самую достойную любви девушку и томился желанием увидеть ее; то я видел в ней низкую и коварную любовницу и давал тысячи клятв, что отыщу ее только для того, чтоб наказать.

Мне давали книги, которые несколько успокоили мою душу. Я перечел всех любимых авторов; я приобрел новые сведения; у меня вновь пробудилась жажда знаний; вы увидите, как она пригодилась мне впоследствии.

То, чему меня научила любовь, дало мне возможность уяснить множество мест в Горации и Вергилии, которые раньше казались мне непонятными. Я написал любовный комментарий на четвертую книгу Энеиды; я его предполагаю обнародовать, и льщу себя надеждой, что публика останется им довольна.

Ах! – говорил я, составляя его, – верной Дидоне нужен был человек с таким же верным сердцем, как у меня.

Однажды Тибергий посетил меня во время моего заключения. Я изумился тому восторгу, с которым он меня обнял. У меня еще не было таких доказательств его привязанности, которые заставляли бы меня смотреть на него иначе, чем на простого школьного товарища, чем на друга, какими бывают в юности одноклассники. За пять или за шесть месяцев, что мы не видались, он так изменился и возмужал, что и его наружность, и тон его речей внушили мне уважение. Он говорил со мною скорей как благоразумный советчику чем как друг но училищу. Он сокрушался о заблуждении, в которое я впал; он поздравлял меня с наступившим выздоровлением; наконец, он увещевал меня воспользоваться этой ошибкой молодости, чтоб правильно взглянуть на суетность наслаждений.

Я посмотрел на него с удивлением. Он заметил это.

Милый мой кавалер, – сказал он мне, – я не говорю вам ничего, что не было бы основательно и верно, и в чем бы я не убедился при помощи строгого рассмотрения. У меня была такая же склонность к сладострастию, как и у вас; но Небо одарило меня в то же время стремлением к добродетели. Мой ум помог мне сравнить плоды того и другого, и я невольно открыл разницу между ними. На подмогу моим размышлениям пришла помощь свыше. Я почувствовал такое презрение к миру, с которым ничто не может сравниться. Знаете ли, что меня в нем удерживает, прибавил он, – и что препятствует мне удалиться в уединение? Единственно нежная дружба, которую я питаю к вам. Я знаю превосходство вашего сердца и ума; нет такого добра, к которому вы не были бы способны. Яд наслаждения заставил вас сбиться с пути. Какая потеря для добродетели! Ваше бегство из Амьена причинило мне столько горя, что я с тех пор не испытал и минутного удовольствия. Судите сами по тем попыткам, которые оно заставило меня сделать.

Он мне рассказал, что, заметив, что я обманул его и уехал со своей возлюбленной, он погнался за нами верхом, но у нас было четыре или пять часов, впереди, и ему невозможно было догнать нас; что, тем не менее, он прибыл в Сен-Дени полчаса спустя после моего отъезда; что, будучи уверен, что я остался в Париже, он прожил там шесть недель, безуспешно меня разыскивая; что он ходил всюду, где надеялся, что может меня встретить, и что однажды он, наконец, узнал в театре мою любовницу; она была там в таком блестящем, сборе; что он подумал, что она обязана своим богатством новому любовнику; он следовал до самого дома за ее каретой и узнал от одного слуги, что она на содержании у г. де-Б.

– Я не довольствовался этим, – продолжал он; – я воротился туда на следующий день, чтоб узнать от нее самом, что случилось с вами. Она мигом ушла, только я заговорил о вас, и я принужден был вернуться в провинцию, не узнав ничего более. Тут я услышал о том, что с

вами случилось и в какое отчаяние это повергло вас; но я не желал видеть вас до тех пор, пока не узнаю, что вы несколько успокоились.

– Итак, вы видели Манон? – со вздохом отвечал я ему. – Ах, вы счастливее меня; я осужден на то, чтоб больше никогда ее не видеть.

Он стал упрекать меня за этот вздох, доказывавший, что я все еще чувствую к ней слабость. Она, так откровенно хвалила, доброту моего характера и мои склонности, что с первого свидания породил во мне сильное желание отказаться, подобно ему, от всех мирских удовольствий и вступить в духовное звание.

Мне так понравилась эта мысль, что, оставшись один, я ни о чем ином уже и не думал. Я вспомнил слова господина амьенского епископа, который давали, мне подобный же свет, и о тех, предсказаниях счастья, которое он сулил мне, если я отдамся этому делу. В мои размышления входило также и благочестивое настроение.

Я стану жить умно и по-христиански, – говорил я, – я посвящу себя науке и религии, а это воспрепятствует мне думать об опасных любовных наслаждениях. Я стану презирать то, чем восхищается большинство людей; я чувствую, что сердце мое не пожелает ничего, кроме того, что оно уважает, а потому у меня будет немного как беспокойств, так и желаний.

Таким образом, я составил заранее систему тихой и уединенной жизни. Ее принадлежностью были: уединенный домик с леском и ручьем вкусной воды в конце сада, библиотека, составленная из избранных книг; несколько добродетельных и здравомыслящих друзей; хороший стол, но простой и умеренный. К этому я прибавлял переписку с другом, живущим в Париже; он станет сообщать мне об общественных новостях, не столько ради удовлетворения моего любопытства, сколько для того, чтоб я мог поразвлекаться рассказом о глупых человеческих суетностях.

– И разве я не буду счастлив? – прибавлял я, – разве не все мои желания будут выполнены?

Несомненно, эти предположения сильно льстили моим склонностям. Но в конце такого мудрого распорядка дел, я чувствовал, что сердце мое ждало еще чего-то, и что для того, чтоб я ничего уж больше не желал в этом прелестном уединении, необходимо, чтоб со мной была Манон.

Между тем Тибергий продолжал часто навещать меня, чтоб укрепить меня во внушенном им намерении, и я, наконец, воспользовался случаем, и открылся во всем отцу. Он объявил мне, что ничего больше не желает, как того, чтоб дети были свободны в выборе своих занятий, и что, как бы я ни пожелал распорядиться собою, он сохранит за собою только право помогать мне советами. И он дал мне весьма благоразумные советы, которые клонились не столько к тому, чтоб отвлечь меня от моего намерения, сколько к тому, чтоб я сознательно взялся за его исполнение.

Приближалось начало учебного года. Я условился с Тибергием поступить вместе в семинарию святого Сульпиция; он ради окончания богословского образования, а я ради его начала. Его достоинства были известны местному епископу, и он получил от этого прелата значительную бенефицию.

Мой отец, полагая, что я вполне излечился от страсти, не делал никаких затруднений. Мы приехали в Париж. Мальтийский крест был заменен духовной одеждой, и я стал называться не кавалером, а аббатом де-Грие. Я принялся за занятия с таким прилежанием, что менее чем в месяц сделал чрезвычайные успехи. Я занимался отчасти и ночью, а днем не терял ни минуты. Слава обо мне так принеслась, что меня уже стали поздравлять с отличиями, которых я не мог не получить; без моей просьбы имя мое было занесено в список бенефиций. Но я не пренебрегал и благочестием; я ревностно предавался всем духовным упражнениям. Тибергий пылъ в восторге от того, что считал своим созданием, и я видел, как он несколько раз проливал слезы, восхваляя то, что он звал моим «обращением».

Меня никогда не удивляло то, что человеческие решения подвержены изменениям; одна страсть порождает их, другая может их разрушить; но когда я подумаю о святости намерения, приведшего меня в семинарию святого Сульпиция, о той внутренней радости, которую небо дало мне вкусить при его исполнении, – то ужасаюсь той легкости, с какою я мог изменить ему. Если правда, что небесная помощь в каждое мгновение равна силе страсти, то пусть же объяснят мне, вследствие какого губительного влияния вы сразу отвлекаетесь далеко от долга, не находя в себе возможности ни для малейшего сопротивления и не чувствуя ни малейшего угрызения совести.

Я считал себя вполне; освобожденным от любовных слабостей. Мне казалось, что я предпочту чтение страницы св. Августина, или четверть часа христианского размышления всем чувственным наслаждениям, не исключая и тех, которые мне могла бы предложить Манон. И, однако, в одно несчастное мгновение, я вновь упал в пропасть, и мое падение было тем неисправимее, что я сразу очутился на той же глубине падения, от которой избавился, а новые распутства, в которые я впал, увлекли меня еще более в бездну.

Я прожил около года в Париже, не навоя справок о Манон. Вначале мне дорого стоило такое насилие над собою; но постоянные советы Тибергия и мои собственные размышления помогли мне; одержать победу. Последние месяцы прошли так спокойно, что я полагал, будто навеки забыл об этом прелестном и коварном создании. Пришло время, когда я должен был, подвергнуться публичному испытанию в Богословской школе; я просил нескольких значительных лиц почтить его своим присутствием. Мое имя стало столь известно во всех частях Парижа, что дошло до слуха моей неверной. Благодаря званию аббата, она не знала, точно ли это я; но остаток любопытства, или быть может известное раскаяние в том, что она изменила мне (я никогда не мог решить, какое именно из этих двух чувств) заставило ее заинтересоваться именем, схожим с моим; она вместе с некоторыми другими дамами явилась в Сорбонну. Она присутствовала при моем испытании и, без сомнения, ей не трудно было узнать меня.

Я и не подозревал этого посещения. Как известно, в подобных учреждениях для дам имеются особые помещения, где их невидно за решетками. Я возвратился в семинарию святого Сульпиция, покрытый славой и обремененный похвалами. Через минуту после моего возвращения мне доложили, что меня желает видеть дама. Я тотчас же отправился в приемную. Боже, какое неожиданное явление! я увидел Манон. То была она, но еще привлекательнее, еще более блестящая, чем я ее видел; ей шел восемнадцатый год; ее прелести превосходили всякое описание; у нее было такое тонкое, такое нежное, такое манящее лицо: вся ее фигура показалась мне очаровательной.

При виде ее я был поражен изумлением и, не догадываясь о цели ее посещения, с опущенными глазами и тропотом, ждал он объяснения. Несколько мгновений она была смущена так же, как я; но видя, что мое молчание длится, она заслонила руками глаза, чтоб скрыть слезы. Робким голосом она сказала мне, что знает, что ее неверность заслуживает ненависти, но что если правда, что я чувствовал когда либо к ней нежность, то было слишком жестоко в течение двух лет не известить ее о моей участи и еще более жестоко не сказать ей теперь ни слова, видя в каком положении она стоит передо мною. Я не сумею изъяснить, с какой: душевной тревогою слушал я ее.

Она села. Я продолжал стоять, на половину отворотясь, не смея прямо взглянуть на нее. Я несколько раз начинал ответ, и был не в состоянии докончить. Наконец я сделал усилие над собой и болезненно вскричал:

– Коварная Манон! О, коварная, коварная!

Горько плача, она повторили, что и не думает, оправдывать своего коварства.

Что ж вы думаете делать, – вскричал я.

Умереть, – отвечала она, – если вы не возвратите мне вашего сердца, без которого я не могу жить.

Так требуй же моей жизни, неверная! – сказал я, проливая сам слезы, которые тщетно старался удержать, – требуй моей жизни. Вот единственно, что я могу еще принести тебе в жертву, потому что сердце мое не переставало быть твоим.

Едва я произнес последние слова, как она с восторгом встала и обняла меня. Она осыпала меня тысячью страстных ласк: она называла меня всеми именами, какие только изобретает любовь для выражения своей живейшей нежности. Я с томностью отвечал на них. В самом деле, какой переход от спокойного состояния, в котором я находился, к мятежным возбуждениям, зарождение коих я чувствовал вновь! Я был повергнут в ужас; я вздрогнул, как бывает с человеком, очутившимся ночью в пустом поле: кажется, будто вы перенесены в совсем другой порядок вещей; вас охватывает тайный страх, от которого отделяешься только после долгого осматривания всего окружающего.

Мы сели друг против друга. Я взял ее за руки.

– Ах, Манон! – сказал я, глядя на нее печальным взором, – я не ждал, что вы такой черной изменой заплатите мне за любовь. Вам легко было обмануть сердце, которого вы были полной владычицей и все счастье которого состояло в том, чтоб нравиться и повиноваться вам. Скажите же сами, разве вы нашли сердце столь же нежное и покорное? Нет, нет! природа не создавала сердца такого закала, как у меня. Скажите мне, по крайней мере, жалели вы когда-нибудь о нем? Какое доверие, в утешение ему, могу я питать к тому возврату нежности, который сегодня привел вас сюда? Я слишком вижу, что вы стали еще прелестнее, чем были во имя всех мучений, которые я перенес из-за вас, прекрасная Манон, скажите же мне, будете ли вы впредь вернее?

В ответ она наговорила мне таких трогательных вещей относительно своего раскаяния, и обещала быть верной мне с такими уверениями и клятвами, что до невыразимой степени растрогала меня.

– Дорогая Манон, – сказал я, кощунственно смешивая любовные и богословские выражения, – ты слишком божественна для создания. Мое сердце полно высочайшей улады. Все, что говорят о свободе в семинарии святого Сульпиция – химера. Я предвижу, что ради тебя я погублю и будущность и доброе имя; я читаю судьбу свою в твоих прекрасных глазах; но в каких потерях, не утешит меня твоя любовь! Благосклонность фортуны не привлекает меня; слава мне кажется дымом; все мои планы о жизни духовного лица – безумные мечтания; наконец, все блага по сравнению с тем, которым я надеюсь обладать с тобою, – блага презренные, потому что в моем сердце они и на миг не устоят против одного твоего взгляда.

Тем не менее, обещая полное забвение ее поступков, я пожелал узнать, каким образом она допустила, чтоб ее увлек г. де-Б. Она рассказала, что он, увидев ее у окна, влюбился в нее; что он объяснился, как подает откупщику податей, т. е. обозначив в письме, что плата будет пропорциональна ее благосклонности, что в начале она уступила с мыслью вытянуть из него порядочную сумму, которая дозволила бы нам жить с большими удобствами, но он ослепил ее такими великолепными обещаниями, что она постепенно сдалась вполне, что, впрочем, я мог бы заметить мучения ее совести по тем знакам печали, которые она обнаружила накануне нашей разлуки; что не смотря на роскошь, с которой он содержал ее, она не испытывала с ним счастья, не только потому, как она выразилась, что не нашла в нем деликатности моих чувств и прелести моего обращения, но и потому, что посреди самих удовольствий, которые он доставлял ей непрерывно, в глубине ее сердца жили воспоминание о моей любви и упреки за неверность. Она рассказала мне о Тибергии и о том чрезвычайном смущении, которое причинило ей его посещение.

– Удар шпагой в сердце не так бы взволновал мою кровь, – добавила она. – Я и мгновения не могла вынести его присутствия и повернулась к нему спиной.

Она продолжала рассказывать мне, каким образом узнала о моем пребывании в Париже, о перемене в моей жизни и о моем публичном испытании в Сорбонне. Она уверяла меня, что

до того волновалась во время диспута, что ей было очень трудно удерживать не только слезы, но даже стоны и крики, которыми она готова была разразиться несколько раз. Наконец, она сказала мне, что должна была выйти оттуда шмеле всем, дабы скрыть свое расстройство и, следуя единственно движению своего сердца и пылкости своих желаний, отправилась прямо в семинарию с решимостью тут же умереть, если не встретит во мне готовности простить ее.

Где такой варвар, что не был бы тронут столь живым и нежным раскаянием? Что касается меня, то я в это мгновение чувствовал, что охотно принес бы в жертву Манон все епископства христианского мира. Я спросил ее, как она думает устроить на новый лад нашу жизнь. Она отвечала, что следует сейчас же уехать из семинарии и устроиться где-нибудь в более безопасном месте. Я без возражения согласился на все желания. Она села в карету, чтоб подождать меня на углу улицы. Через минуту я вышел, не будучи замечен привратником. Я сел к ней в карету. Мы отправились к продавцу старого платья; я опять очутился с галунами и шпагой. Манон заплатила за все, потому что у меня не было ни су; из страха, как бы не встретилось препятствия к моему выходу из семинарии, она не пожелала, чтоб я и на минутку забежал к себе в комнату, чтоб захватить деньги. Мое казначейство, впрочем, было в весьма неважном состоянии, а она, благодаря щедрости г. Б., была настолько богата, чтоб пренебречь тем, что заставила меня бросить. У продавца старого платья мы стали обсуждать, что нам теперь следует делать.

Чтоб заставить меня сильнее ценить то, что она жертвует ради меня г-ном Б. Манон решила ни мало не церемониться с ним.

– Я оставлю ему мебель, – сказала она, – она его; но я, попятно, увезу все драгоценные вещи и около шестидесяти тысяч франков, которые я вытянула из него в два года. Я не представляла ему никакой власти над собою, прибавила она, – а потому мы можем без страха оставаться в Париже, наняв удобный дом, где и заживем счастливо.

Я возразил ей, что если для нее и нет опасности, то для меня есть, и большая, потому что рано или поздно меня узнают, и я буду постоянно беззащитен от несчастья, которое уже однажды испытал. Она мне дала понять, что для нее было бы жаль уехать из Парижа. Я так боялся огорчить ее, что не знаю какими бы опасностями не пренебрег, только б угодить ей. Впрочем, мы пришли к благоразумному соглашению, именно решили нанять дом в какой-нибудь деревне; в окрестностях Парижа, откуда нам легко было бы попасть в город ради удовольствия, или в случае какой-либо надобности. Мы выбрали Шальо, откуда не далеко до города. Манон тотчас же отправилась к себе. Я ждал ее у калитки Тюльерийского сада.

Она воротилась через час в наемной карете с девушкой, бывшей у нее в услужении, и несколькими чемоданами, куда были уложены ее платья и всякие драгоценности.

Вскоре мы приехали в Шальо. Первую ночь мы провели в трактире, чтоб потом на свободе отыскать дом, или, по крайней мере, удобную квартиру. На следующее же утро мы отыскали помещение по своему вкусу.

Сначала мне казалось, что счастье мое незыблемо, Манон была сама нежность и угодливость. Она была так внимательно деликатна ко мне, что я почел себя слишком вознагражденным за все мои страдания. Оба мы приобрели известную опытность, а потому стали рассуждать о прочности нашего положения. Шестидесят тысяч франков, составлявших основу нашего богатства, не представляли суммы, которой хватило бы на долгую жизнь. Притом, мы вовсе не были расположены чересчур умерять расходы. Экономия не была особой добродетелью Манон, ни моей. Вот, план, который я составил.

– Шестидесяти тысяч франков, – сказал я ей, – хватит нам на десять лет. Если мы останемся в Шальо, то нам достаточно двух тысяч экю в год. Мы станем жить в довольстве, но просто. Единственный расход у нас будет на карету и на театр. Мы заведем порядок. Вы любите оперу, и мы станем ездить в нее два раза в неделю. Что касается игры, то мы назначим ей предел и никогда не станем проигрывать больше двух пистолей. Невозможно чтоб в течение

десяти лет не произошло перемен в моем семействе; мой отец уже человек пожилой, он может умереть. У меня окажется состояние, и тогда нам нечего будет бояться.

Такое устройство дел не было бы самым безумным действием в моей жизни, будь мы настолько благоразумны, чтоб вполне подчиниться ему. Но наша решимость длилась не более месяца. Манон страстно любила развлечения; я их любил ради нее. Всякую минуту у нас являлись новые предлоги для расходов; и я, нисколько не жалея о деньгах, которые она порой тратила слишком расточительно, первый готов был доставить ей все, что, по моему мнению, могло принести ей удовольствие. Наше житье в Шальо становилось ей в тягость.

Приближалась зима, все возвращались в города, и дачи начинали пустеть. Она мне предложила нанять дом в Париже. Я не согласился, но чтоб хотя несколько угодить ей, сказал, что мы можем взять меблированное помещение и ночевать там, когда нам придется засидеться поздно в обществе, где мы бывали несколько раз в неделю: она выставляла как предлог для переезда именно неудобство позднего возвращения в Шальо. Таким образом, у нас оказалось две квартиры, одна в городе, другая – в деревне. Эта перемена вскоре привела к совершенному расстройству наших дел, породив два приключения, которые стали причиной нашего разорения.

У Манон был, брат, служивший в лейб-гвардии. К несчастью, оказалось, что он живет в Париже в одной с нами улице. Он узнал сестру, увидев поутру у окна. Он тотчас же прибежал к нам. То был человек грубый и без понятий о чести. Он вошел в нашу комнату со страшными ругательствами и, иная отчасти похождения своей сестры, осыпал ее бранью и упреками.

Я вышел за минуту до того, и это было счастьем для него, или для меня, потому что я вовсе не был расположен сносить оскорбления. Я воротился домой уже после его ухода. Печаль Манон заставила меня предположить, что случилось нечто необычайное. Она рассказала мне досадную сцену, которую ей пришлось вынести, и о грубых угрозах ее брата. Я до того озлобился, что готов был тотчас же отомстить, если бы она не остановила меня своими слезами.

В то время как мы разговаривали с нею об этом приключении, к нам в комнату без доклада вошел лейб-гвардеец. Я не принял бы его так вежливо, если б знал его раньше; но, с веселым видом поклонившись нам, он успел сказать Манон, что пришел извиниться перед ней за свою вспышку; что он думал, будто она ведет распутную жизнь, и что это-то мнение и возбудило его гнев; но что, узнав от одного из наших слуг, кто я такой, и услышав обо мне много хорошего, он желает жить с нами в мире.

Хотя эти сведения, полученные от одного из моих лакеев, и заключали в себе нечто странное и гадкое, я вежливо выслушал его объяснение. Я думал тем угодить Манон. Она, казалось, была в восторге, что он идет на мировую. Мы оставили его обедать.

Через несколько минут он до того простер свою короткость, что, услышав, что мы возвращаемся в Шальо, во что бы то ни стало, захотел сопровождать нас. Пришлось поместить его в нашей карете. Он таким образом вступил во владение; вскоре ему стало так приятно нас видеть, что он превратил наш дом в собственный и в некотором роде стал хозяином всего, что нам принадлежало. Он звал меня братом, и под предлогом братской близости, стал приглашать к нам в Шальо всех своих приятелей и угощать их на наш счет. Он заказал себе на наши же деньги великолепное платье. Он даже заставлял нас платить за себя долги. Я смотрел сквозь пальцы на такое нахальство, чтоб не обидеть Манон, и притворялся даже, будто не вижу, как он вытягивает у нее значительные суммы. Правда, ведя большую игру, она, был настолько честен, что возвращал ей часть денег, когда фортуна ему благоприятствовала; но наше состояние было слишком ограничено и мы не могли долго выдерживать таких неумеренных трат. Я уже готов был крупно поговорить с ним, желая освободиться от его навязчивости, как гибельный случай избавил меня от этого; он повлек за собою другой, который оставил нас, безо всяких средств.

Однажды мы остались ночевать в Париже, как то случалось весьма часто. Служанка, которая в подобных, случаях одна оставалась в Шальо, явилась поутру с известием, что ночью у

нас в доме случился пожар, и что его погасили с великим трудом. Я спросил ее, не пострадала ли при том наша мебель; она отвечала, что в доме была такая суматоха, благодаря тому, что на помощь набежало много народу, что она не может, поручиться ни за что. Я испугался за наши деньги, которые были заперты в небольшом ящике. Я тотчас же отправился в Шальо. Бесплезная поспешность! ящик исчез.

Тут я понял, что, не будучи скупым, можно любить деньги. Эта потеря исполнила меня такой живой горести, что я боялся лишиться рассудка. Я вдруг понял, какие новые несчастья теперь угрожают мне. Бедность была самым ничтожным из них. Я знал, Манок: я чересчур сильно испытал, что как бы она ни была и верна, и привязана ко мне при счастье, – в несчастьи нельзя на нее рассчитывать. Она слишком любила довольство и удовольствия, и принесет меня им в жертву.

Я лишусь ее! – восклицал я. – Несчастный кавалер! ты вновь лишился всего, что любишь!

Эта мысль привела меня в такое ужасное замешательство, что в течение нескольких мгновений: я колебался, не лучше ли мне покончить со всеми несчастьями смертью.

Впрочем, я настолько сохранил присутствие духа, что пожелал рассмотреть сперва, не осталось ли еще какого средства. Небо послало мне мысль, которая вывела меня из отчаяния; я подумал, что невозможно скрыть нашу потерю от Мацони, и что, извернувшись как-нибудь или вследствие какой-либо счастливой случайности, я смогу содержать ее настолько прилично, чтоб она не чувствовала нужды.

– Я рассчитывал, – рассуждал я себе в утешение, – что двадцати тысяч экую нам хватит на десять лет; предположим, что десять лет уже прошли, и что в семействе; моем не произошло тех перемен, на которые я надеялся. Что ж бы я тогда стал делать, я сам хорошенько не знаю; но кто же мешает мне теперь поступить так, как поступил бы тогда? Сколько живет в Париже народу, не имея ни моего ума, ни моих природных дарований, и они, однако, зарабатывают себе на пропитание, благодаря тем талантам, какие у них есть!

Разве Провидение не устроило всего премудро? – продолжал я, размышляя о разных средствах к жизни. – Большинство знатных и богатых дураки. Это ясно для всякого, кто хотя немного знает свет. И что ж, в этом удивительная справедливость. Если б у них ум соединился с богатством, они были бы слишком счастливы, а остальные чересчур несчастны. Последним даны телесные и умственные достоинства ради того, чтоб они могли выбиться из нужды и бедности. Одни пользуются частью богатств великих мира сего, доставляя им удовольствия; другие помогают им, в образовании, стараются сделать из них честных людей; правда, они редко в этом успевают, но не такова цель божественной премудрости; они все-таки извлекают плод из трудов своих, живя на счет тех, кого обучают, и с какой стороны ни смотрите, а глупость богатых знатных отличный источник доходов для маленьких людей.

Эти мысли освежили мне несколько и сердце, и голову. Я решил прежде всего пойти посоветоваться с г. Леско, братом Манон. Он превосходно знает Париж, и у меня было слишком много случаев убедиться, что главный доход доставляли ему не имение и не королевское жалованье. У меня осталось около двадцати пистолей, оказавшихся по счастью в моем кармане. Я показал ему кошелек, объясняя ему свое несчастье и свои опасения, и спросил его, не укажет ли он мне какого-нибудь занятия, или же мне придется умереть с голоду, или с отчаяния сломить себе шею. Он мне сказал, что только дураки думают о том, чтоб сломить себе шею; что касается до смерти с голоду, то многие доходили до этого, когда не желали пользоваться своими дарованиями; что мое дело рассудить, на что я способен; что он обещает меня поддерживать и помогать мне советами во всех моих предприятиях.

Все это очень туманно, г. Леско, – сказал я ему, – мое положение требует настоящей помощи; в самом деле, что ж, по вашему, сказать мне Манон?

Кстати о Манон, – возразил он, – что же так уж заботит вас? Разве вы, при ее помощи, не можете во всякий час покончить со всякими невзгодами? Такая, как она, девушка должна бы содержать и вас, и себя, и меня.

Он не дал мне ответить на эту наглость, как она того заслуживала, объявив следом, что он ручается, что к вечеру же мы можем разделить между собою тысячу экю, если я захочу последовать его совету: именно, что они, знает одного барина, который так щедро оплачивает свои забавы, что он уверен, что тот не постоит за тысячью экю, дабы заслужить благосклонность такой девушки, как Манон. Я остановил его.

Я был о вас лучшего мнения, – сказал я ему, – я полагал, что вами, когда вы предлагали мне свою дружбу, руководило совсем иное чувство, чем высказываемое вами теперь.

Он бесстыдно сознался, что всегда думал тоже: что в виду того, что его сестра преступила правила своего пола, хотя бы ради человека, которого она больше всех любила, он, примирился с нею единственно в надежде извлекать выгоду из ее дурного поведения.

Мне легко было понять, что раньше он обирал нас как дурачков. Тем не менее, в какое волнение ни привел меня этот разговор, необходимость заставила меня отвечать смеясь, что его совет – последнее средство, которое следует поберечь на случай крайности. Я просил его указать мне иной путь.

Он предложил мне воспользоваться молодостью и данной мне от природы выгодной наружностью и вступить в связь с какой-нибудь щедрой старушкой. Мне и это предложение было не по вкусу: оно заставило бы меня изменить Манон.

Я заговорил об игре, как о средстве более легком и самом подходящем в моем положении. Он мне отвечал, что игра действительно превосходное средство, но только надо уяснить его себе; что простая игра с обыкновенной надеждой на выигрыш верное средство довершить мою гибель; что вознамериться воспользоваться одному, без поддержки, теми способами, к которым прибегает ловкий человек ради исправления несправедливости фортуны – ремесло слишком опасное; что есть еще средство, именно вступить в общество; но что он опасается, как бы господа сочлены не сочли, в виду моей молодости, что у меня нет еще качеств, необходимых для вступления в союз. Он мне обещал, однако, похатайствовать у них и, чего я не ожидал от него, предложил мне дать денег, в случае если нужда прикрутит меня. Я просил его, как о единственном одолжении, ничего не говорить Манон о понесенной мною потере и о предмете нашего разговора.

Я вышел от него в худшем расположении, чем вошел к нему; я даже каялся, что вверил ему свой секрет. Он ничего для меня не сделал, чего бы я не мог получить и без такой откровенности; я смертельно боялся, что он не исполнит данного обещания ничего не говорить Манон. После того, как он обнаружат передо мною свои чувства, я мог также опасаться, чтоб он не составил проекта извлечь, как он сам выразился, из нее выгоду, похитив ее из моих объятий или, по меньшей мере, посоветовать ей бросить меня для какого-нибудь любовника побогаче и посчастливей. Я много об этом раздумывал и все кончилось тем, что я опять стал лучиться и снова впал в тоже отчаяние, в каком был по утра. Несколько раз приходило мне в голову написать отцу и выразить перед ним новое обращение на путь истинный, ради получены некоторой денежной помощи, но я тотчас вспомнил, что, не взирая на всю свою доброту, он выдержал меня полгода в тесном заключении за мой первый проступок; я был весьма уверен, что после шума, который, конечно, наделало мое бегство из семинарии, он поступит со мною гораздо строже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.